

Как глава секты, господин Сяожань по праву занимал самое высокое и живописное место в горах — пик Линцзюэ.

Даже если смотреть на эту вершину с самой высокой точки горы Улян, она всё равно возвышалась над землёй добрую сотню чжанов. Пик был настолько отвесным и неприступным, а его скалы так резко уходили в облака, что обычному человеку взобраться туда голыми руками было сложнее, чем попасть на небо.

Культиваторы ниже стадии Зарождающейся Души не могли подняться сюда без помощи магических артефактов или летающих мечей. Однако в секте Меча Улян пользование любыми летающими артефактами было под строжайшим запретом. В отличие от города Ючжоу, здесь не требовалось караульных — стоило кому-то взлететь, как Великий защитный массив горы автоматически сбивал нарушителя вниз.

Цзин Фаньшэн задрал голову, пытаясь разглядеть вершину, скрытую в густых облаках, и невольно сглотнул. У него появилось дурное предчувствие.

Несколько юношей, понутив головы, плелись позади. Янь Сяожань обернулся, и Цзин Фаньшэн, последовав его примеру, тоже развернулся. Господин Сяожань ледяным тоном произнёс:

— Возвращайтесь к своим наставникам. То, что произошло сегодня за пределами секты, я оставлю без последствий, но вы должны извлечь из этого урок.

— Слушаемся, — тихо ответили юноши, не смея поднять глаз.

Затем Янь Сяожань обратился к Чу Юньгуаню:

— Устрой Ши на ночлег.

— Будет исполнено.

Когда всё было улажено, Янь Сяожань с каменным лицом кивнул и, прихватив Цзин Фаньшэна, поднялся на пик Линцзюэ.

Цзин Фаньшэн оказался здесь впервые, ведь это место предназначалось исключительно для проживания глав секты. Как только его ноги коснулись земли, он был поражён увиденным.

Пик Линцзюэ был невероятно высок, но, возможно, из-за действия барьера, отсекающего облака и туман, видимость была отличной, а ветра почти не ощущалось.

Вершина была невелика — не более пары сотен му, и вдалеке виднелись две постройки, напоминающие соломенные хижины. Но самое поразительное заключалось в том, что всё пространство от их места до хижин было покрыто голой, изрытой глубокими бороздами бурой

землѐй.

Называть это бороздами было бы преувеличением. Глубина следов впечатляла, но ширины они почти не имели. Эти рвы были оставлены мечом.

Бесчисленные, хаотично пересекающиеся следы клинка, покрывавшие землю, при первом взгляде заставляли кожу идти мурашками.

— Ха-ха... Господин Сяожань, ваше усердие в тренировках с мечом поистине не знает границ, — с трудом выдавил Цзин Фаньшэн, пытаясь разрядить неловкую обстановку.

В глубине души он думал о том, какая же лютая ненависть должна была кипеть в человеке, чтобы так искромсать землю, будто после землетрясения. К счастью, сама скала была достаточно прочной, иначе пик давно бы обрушился.

Янь Сяожань промолчал, никак не изменившись в лице. Он потянул Цзин Фаньшэна за собой через истерзанную землю, быстро дошёл до одной из хижин и толкнул дверь.

Цзин Фаньшэн, разумеется, последовал за ним.

Внутри хижины тоже действовал барьер: снаружи она казалась крошечной, но внутри скрывалось целое пространство. Однако, оглядевшись, Цзин Фаньшэн лишь презрительно хмыкнул. Внутренняя площадь составляла около двух-трёх сотен квадратных метров, но, как и на втором этаже корабля Уфэн, здесь стояли лишь кровать, стол со стульями да ширма.

Единственным отличием была курильница на столе, источающая странный холодный аромат.

Обычно культиваторы не придавали значения подобным мирским вещам, но Янь Сяожань был главой великой секты, и столь скудная обстановка казалась чрезмерной. К тому же, господин Сяожань, похоже, терпеть не мог пуфики для медитации. Культиваторам не нужно было спать, и они обычно сидели на таких пуфиках, практикуясь, но здесь была только кровать.

К счастью, Цзин Фаньшэн любил поспать.

В конце концов, он уснул в своей постели, а проснулся уже в другом мире, что породило в нём необъяснимую привязанность к кроватям. Прожив в этом мире сотни лет и достигнув стадии Конденсации Меридианов, позволявшей обходиться без еды и сна, он всё равно предпочитал лениво полежать.

Как только они вошли, Янь Сяожань развязал верёвку, связывавшую их запястья.

Цзин Фаньшэн надулся от негодования. На пике они были вдвоём, и он понимал, что без

магического артефакта ему не спуститься — господин Сяожань явно был уверен в своей безопасности.

Не успел он об этом подумать, как Янь Сяожань снова повёл рукой, достал из мешочка Сюми-Цзецзы аккуратно сложенную белую одежду и положил её на кровать.

Цзин Фаньшэн: «...»

Он мельком взглянул на вещи: это был стандартный комплект формы секты Улян. По цвету сразу было понятно, что вещь подлинная. Намерение господина Сяожаня было очевидно — он хотел, чтобы тот переоделся.

Цзин Фаньшэн понимал: Янь Сяожань собирается конфисковать его снаряжение.

— Э-э... не буду беспокоить господина Сяожаня, я скоро уйду, так что переодеваться, пожалуй, нет нужды... — предпринял он последнюю попытку спастись.

Янь Сяожань промолчал, лишь не сводя с него своих чёрных, как смоль, глаз. Цзин Фаньшэн понял, что спорить бесполезно, и продолжил упираться:

— Я ведь не из секты Улян, зачем мне носить вашу форму?

— ...Ладно, ладно, раз так настаиваешь. На самом деле у меня есть и своя одежда, — он хихикнул, достал из рукава Цянькунь два потрёпанных мешочка, порылся в них и вытащил чёрный парчовый халат.

Если присмотреться, фасон был почти таким же, как у Цзин Ши — вылитый семейный комплект. Несмотря на роскошный вид, одежда была сшита из обычного шёлка с серебряными нитями, такие носили богатые горожане, и магической ценности она не имела.

Янь Сяожань не спросил, почему тот, имея при себе чистую одежду, цеплялся за свою старую мантию, а просто продолжал неотрывно смотреть на него.

Цзин Фаньшэн положил руку на воротник, собираясь расстегнуть его, и вдруг весело подмигнул Янь Сяожаню:

— Что такое? Господин Сяожань так хочет увидеть, как я переодеваюсь?

Ресницы Янь Сяожаня дрогнули. Вероятно, из-за того, что он редко моргал, это движение показалось весьма резким. Но в следующую секунду он всё так же пристально и без тени смущения смотрел на собеседника.

Цзин Фаньшэн сдался. Поняв, что кожа у Янь Сяожаня стала гораздо толще, чем прежде, он

потерял интерес к играм, быстро скинул верхнюю мантию на пол и потянулся к нижнему белью.

Янь Сяожань с естественным видом наклонился и подобрал брошенную одежду.

Сняв и чёрный халат, Цзин Фаньшэн вместе с ним отдал господину Сяожаню и рукав Цянькунь. Натянув новую одежду, он взмолился:

— Господин, чем я вам так насолил? Скажите прямо! К чему всё это?

Несмотря на мольбы, он уже сидел за столом и наливал себе духовный чай, чтобы успокоить нервы. Этот чай был полон духовной энергии, и хотя со временем она могла улетучиваться, сам чай не портился десятилетиями.

Янь Сяожань сел на стул рядом, достал из пространственного хранилища тарелку свежих духовных фруктов, поставил её на стол и налил себе чаю. Его длинные, тонкие пальцы машинально поглаживали край чашки. Помолчав мгновение, он поднял на него свои чёрные, отливающие золотом глаза и твёрдо произнёс:

— Можешь больше не лгать. Я знаю, что нашёл тебя. Цзин Ци.

Действие пилули Изменения Облика ещё не закончилось, но то, что его личность так уверенно раскрыли, вызвало у Цзин Фаньшэна неприятное чувство. Его спина невольно напряглась.

Впрочем, он не растерялся. Если Янь Сяожань сначала связал его, а потом отобрал вещи, было бы странно, если бы он не задал этот вопрос.

Цзин Фаньшэн усмехнулся:

— Господин Сяожань, о чём вы? Я вас не понимаю.

Янь Сяожань снова провёл пальцем по краю чашки и ответил:

— У многих есть привычки, которые они сами не замечают. Возможно, ты не осознаёшь, но каждое твоё слово и движение слишком напоминают Цзин Фаньшэна.

Сердце Цзин Фаньшэна пропустило удар. Неужели Янь Сяожань заметил какие-то мелочи в его поведении? Он попытался вспомнить внешность и манеры Цзин Фаньшэна пятнадцатилетней давности... Лицо у него сейчас было самым заурядным, не привлекающим внимания. А что касается манер...

Цзин Фаньшэн захотел закрыть лицо руками. Он действительно не следил за своим

поведением. Раньше он был настоящим победителем по жизни, всегда держал марку и никогда не вёл себя так развязно. Он не верил, что в таком огромном мире Янь Сяожань мог узнать его после пары минут общения.

Он не желал сдаваться, но внешне оставался невозмутимым:

— Не замечал за собой никаких особых привычек. Ха-ха, надеюсь, господин Сяожань просветит меня.

Янь Сяожань помолчал, словно обдумывая ответ. Наконец он произнёс:

— Взгляд очень похож, манера говорить, голос...

Цзин Фаньшэн был готов выплюнуть чай ему в лицо!

Голос — ещё ладно, он имел привычку занижать его при посторонних, и разница была невелика. Но взгляд?!

Только он хотел возмутиться, как за дверью кто-то позвал главу секты. К счастью, он сдержался. Голос за дверью принадлежал мужчине, но звучал так мягко и пьяняще, словно выдержанное вино.

Цзин Фаньшэн со злорадством подумал, как забавно было бы, если бы вошедший увидел, как их величественного главу облили чаем.

Янь Сяожань, не изменившись в лице, холодно сказал:

— Входи.

Вошедший был под стать своему голосу — необычайно красив. Поклонившись Янь Сяожаню, он поднял голову и с лёгким удивлением взглянул на мужчину в чёрном, сидящего за столом, но тут же отвёл взгляд.

То, как он опустил глаза, придавало ему нежной хрупкости. Цзин Фаньшэн подумал, что если бы не его ориентация, он бы сам не прочь познакомиться с таким красавцем.

Янь Сяожань привычно холодным тоном спросил:

— Что случилось?

— Докладываю главе: я услышал, что вы вернулись. Поскольку я был в затворе и не смог встретить вас у ворот, прошу прощения за неучтивость.

Если присмотреться, лицо вошедшего действительно было бледным, словно он только что насильно прервал практику. К сожалению, Янь Сяожань, казалось, даже не взглянул на него.

Цзин Фаньшэн, размышляя об этом, допил чай, налил себе ещё и заодно плеснул Янь Сяожаню. Взяв с тарелки фрукт, он с удовольствием принялся наблюдать за представлением.

Янь Сяожань молчал, но красавец не обиделся, словно привык к такому обращению:

— Мой ученик И Цзун доложил, что вы во всём помогали нам в пути, поэтому Сюнь Ин решил поблагодарить вас лично.

Господин Сяожань наконец кивнул:

— Не стоит. И запомни: в секте нет правила встречать главу по возвращении.

Он мельком глянул на красавца, стоящего в стороне. Его голос был ровным, но в тоне сквозило равнодушие:

— Если больше ничего нет, можешь идти.

Лицо Сюнь Ина стало ещё бледнее. Он осмелился бросить на Янь Сяожаня лишь один взгляд и поспешно отвёл глаза. Поколебавшись, он удалился.

Как только дверь закрылась, Цзин Фаньшэн усмехнулся:

— Называть себя подчинённым, а не учеником, да ещё и уровень Зарождающейся Души... Должно быть, это один из старейшин секты Улян? Кстати, пик Линцзюэ — частная территория, разве сюда можно заходить кому попало?

Янь Сяожань повернулся к нему, и исходящий от него холод удвоился.

Цзин Фаньшэн, словно не замечая этого, продолжил:

— Несколько лет назад слышал, что у главы Яня есть двое фаворитов, брат и сестра. Должно быть, этот господин Сюнь Ин — один из них? С такой внешностью у мужчины, его сестра, должно быть, просто ослепительна. Интересно, где она сейчас?

Его тон становился всё более развязным. В оригинале книги об этих брате и сестре не было ни слова, или же они были лишь мелкими персонажами. Цзин Фаньшэн вспомнил лишь слухи десятилетней давности о том, что Янь Сяожань завёл роман с парой красавцев из секты.

Почему они потеряли расположение? Особенно его интересовал Сюнь Ин.

Этот баг был слишком нелепым! Янь Сяожань был классическим героем-жеребцом, и если бы у

него появился настоящий любовник, читатели бы взбунтовались. И, судя по всему, автор был натуралом — писать героя-гея было бы самоубийством.

Мысли пронеслись в голове за долю секунды. Не успел Цзин Фаньшэн договорить, как выражение лица Янь Сяожаня изменилось. Он с почти панической поспешностью схватил Цзин Фаньшэна за запястье:

— Послушай, я всё объясню...

Цзин Фаньшэн испугался и машинально прервал его:

— Эй, господин Сяожань, зачем вам что-то объяснять мне?

Янь Сяожань замолчал, и на его лице отразилась боль.

Цзин Фаньшэн почесал голову. Когда они виделись в последний раз? Десять лет назад? Тогда Янь Сяожань тоже сказал: «Послушай, я всё объясню». А он ответил: «Зачем главе Сяожаню объяснять что-то мне? Лучше нам разойтись в разные стороны...»

А потом Янь Сяожань пронзил его мечом.

На самом деле, после стольких ран Цзин Фаньшэн не чувствовал той боли. Он даже забыл, где была рана, не говоря уже о злости. Но тот случай стал для него уроком: он не должен связываться с Янь Сяожанем.

Его не волновало, почему тот тогда хотел его убить — в этой книге или в реальности, где сюжет был разрушен, Янь Сяожань всё равно мог это сделать. Поэтому, покинув Долину Запретного Края, он изменил облик — чтобы не привлекать внимания и, главное, чтобы его не узнали.

Но видя, как на вечно ледяном лице Янь Сяожаня промелькнула обида, Цзин Фаньшэн почувствовал укол совести.

...У него была дурная привычка быть слишком мягкосердечным!

Особенно когда Янь Сяожань смотрел на него своими чёрными глазами. Нельзя же винить его в том, что он поддался ауре главного героя?

Пока тот не успел сказать что-то ещё или снова не пронзил его мечом, Цзин Фаньшэн поспешил сгладить углы:

— Э-э, я имел в виду... Я всего лишь бродячий культиватор, наслушавшийся народных сплетен. Если я сказал что-то лишнее, прошу прощения.

— Ты — Цзин Фаньшэн, — снова подтвердил Янь Сяожань.

Он вновь уставился на него, пытаясь разглядеть сквозь маскировку, и у Цзин Фаньшэна по спине побежали мурашки.

Он изобразил недоумение:

— Если взгляд так похож, то у того красавца он был ещё больше похож на взгляд Истинного человека Цзина, не так ли? Эй, господин Сяожань, не поймите меня неправильно. Я никогда не видел Истинного человека Цзина, но слышал, что он был несравненным красавцем. Разве тот господин не был столь же хорош?

Цзин Фаньшэн развёл руками, бесстыдно похвалил себя, а затем сделал печальное лицо:

— А посмотрите на меня, где во мне хоть капля того величия?

Янь Сяожань дождался, пока тот закончит жаловаться, и сказал:

— Меня не волнует твоя внешность. Если хочешь оставаться в этом облике — пусть будет так.

...Что за бред?! Совсем не в тему!

Цзин Фаньшэн разозлился:

— А если я не Истинный человек Цзин, и вы ошиблись?

В комнате воцарилась тишина.

Янь Сяожань ещё долго смотрел на него чёрными глазами, а затем вдруг отступил. Он, казалось, вернулся к своему обычному холодному образу:

— Ты ранен. Неважно, ты это... или нет, я помогу тебе восстановить Море Сознания. А когда поправишься, я отпущу тебя. Так что не нервничай.

Его тон был спокойным, а взгляд — пугающе искренним.

<http://bllate.org/book/22149/2307427>